

"Нелепо!" Ся Сюнь был в ярости. "Ты так разговариваешь со своим старшим? Неужели ты все еще считаешь меня своим вторым дядей?"

Ся Цинчень долго терпел этого второго дядю. Он холодно возразил: "Второй дядя? Какой второй дядя из какой семьи посадил бы своего племянника в угол и заставил бы всех забыть о нем? Есть ли хоть один второй дядя, который позволил бы постороннему оскорблять и издеваться над своим племянником? Будет ли второй дядя нетерпеливо помогать постороннему обвинять своего племянника, который переломил ход событий?"

"Прекрати делать себе доброе имя за чужой счет! Кто ты такой, черт возьми? Ты вообще достоин быть моим вторым дядей?" Взгляд Ся Цинченя был острым. Это было бесформенное, холодное высокомерие, которое, казалось, относилось с презрением ко всему на свете.

Он относился к Ся Юаню как к отцу, потому что действия Ся Юаня соответствовали слову "отец".

Кто, черт возьми, такой Ся Сюнь? Достоин ли он быть его вторым дядей?

"Нахал!" Ся Сюнь набросился на него, готовый дать пощечину.

Слова Ся Цинченя заставили его полностью потерять лицо.

"Если ты ударишь моего сына, старик, я переломаю ноги твоему сыну", - раздался громовой голос из толпы.

Обычно обходительный и мягкий Ся Юань теперь был похож на разъяренного льва и яростно смотрел на Ся Сюня.

Ся Сюнь бросил взгляд. Затем он отругал: "Ся Юань, ты позволишь своему сыну совершить этот акт агрессии?"

Все должны были понять, кто на самом деле совершал акт агрессии.

Те, кто не понимал, были людьми, которые говорили необдуманно, несмотря на то, что их глаза были открыты.

"Ся Сюнь, даже если ты хулиган, ты должен знать меру!" Глаза Ся Юаня были чрезвычайно холодными. "Я могу терпеть неуважение к себе и твоему сыну, но я определенно не могу вынести, чтобы вы оба издевались над моим сыном!"

Наконец он высказал слова, которые таились у него на сердце, полностью разрушив родственные связи, которые давно перестали существовать.

"Только с тобой?" Ся Сюнь излучал ауру, указывающую на его явно более высокий уровень мастерства боевых искусств.

"Моя сила действительно уступает твоей, но если ты действительно поставишь меня в такое положение, думаешь, мне будет трудно незаметно убить твоего сына в темноте?"

Эти слова совершенно напугали Ся Цилина, который был в толпе.

У него был очень хороший талант, но, в конце концов, он занимался культивацией слишком мало времени. Перед старейшиной, таким как Ся Юань, который занимался культивацией много лет, он был слаб, как муравей.

Если бы он действительно стал мишенью Ся Юаня, он не посмел бы сделать ни полшага за пределы Северного особняка Ся.

Ся Сюнь почувствовал страх в своем сердце. Он молча размышлял, не заставил ли он эту парочку отца и сына зайти слишком далеко, вызвав сильный гнев Ся Юаня.

Теперь даже такой человек, как Ся Юань, который очень ценил отношения, хотел разорвать с ними братские отношения.

Ся Цанлиу, сидевший в месте хозяина, смотрел на двух братьев, которые стали врагами, и в его сердце были очень противоречивые чувства.

Кто был прав, кто неправ? Он видел это очень ясно.

Неправы были Ся Сюнь и его сын. Они были слишком властными, и именно это привело к нынешней ситуации.

С точки зрения эмоций, он должен был заступиться за Ся Юаня и его сына, подвергшихся несправедливости.

Но он был очень прагматичным и рациональным человеком.

"Ся Юань, забирай своего сына с собой и немедленно покинь особняк Ся!" - апатично произнес Ся Цанлиу. "Вы оба слишком бесчувственны, и это меня сильно разочаровывает!"

Ся Юань смотрел на своего отца, чувствуя невыразимый холод в сердце.

Очевидно, его и его сына запугивали. Но в итоге Ся Цанлиу на самом деле обвинил их в бесчувственности?

Может быть, его сына, Ся Цинчэня, действительно нужно было заставить упасть на землю и научиться лаять по-собачьи, прежде чем он, Ся Юань, сможет считаться рассудительным?

Его сердце полностью остыло.

"Отец, береги себя". Ся Юань сдерживал слёзы. Он махнул рукой Ся Цинчэню, сказав ему идти за ним. "Цинчэнь, пойдём!"

Ся Цинчэнь бросил глубокий взгляд на Ся Цанлю.

Если можно было сказать, что у второго дяди нет одного глаза, то у его деда, получается, нет сердца.

Его дед не видел истинной сыновней почтительности, а только выгоду, не обращая внимания на чувства!

Под взглядами всех гостей Ся Цинчэнь и его отец покинули особняк Северного Ся.

Радостное торжество из-за этого тоже закончилось.

Ли Вэйфэн выглядел мрачнее тучи. Он приказал своим людям увести своего сына.

В этот момент Ся Сюн впал в панику. Он поклонился. "Наставник Ли, на самом деле, наш особняк Северного Ся давно разорвал отношения с особняком Южного Ся. Их действия не имеют к нам никакого отношения".

Ли Вэйфэн кивнул. "Я всегда считал, что у каждой обиды есть причина. Я сделаю несчастными тех, кто огорчил меня!"

Его глаза вспыхнули гневом.

Нетрудно было представить, что на следующем экзамене в павильоне боевых искусств Ли Вэйфэн сделает жизнь Ся Цинчэня невыносимой.

У двери.

"Цинчэнь, извини. Твой отец бесполезен, я подверг тебя мелочным попыткам унижить тебя", — сказал Ся Юань, явно стыдясь произошедшего.

Почему они должны были так несправедливо относиться к Ся Цанлю? Разве не потому, что он был никчёмным?

Если бы он добился того же, что и его средний брат, осмелился бы Ся Цанлю так обращаться с ними?

"Отец, ты дал мне жизнь и воспитал меня до взрослого возраста. Это уже акт величайшей доброты. Твой сын даже не может дождаться, чтобы отплатить тебе за эту благодарность, как я могу винить тебя?" — вздохнул Ся Цинчэнь. — "Теперь, когда я вырос, я сам сделаю себе имя!"

Даже прежний хозяин этого тела, настоящий Ся Цинчэнь, никогда не винил своего отца.

Это не потому, что Ся Юань не прилагал достаточно усилий. Скорее, он перенёс несчастный случай много лет назад, из-за которого прогресс в его самосовершенствовании был медленным.

"Дед презирал меня, второй дядя издевался надо мной, и мой двоюродный брат относился ко мне с презрением, потому что моя сила была слишком слабой", — сказал Ся Цинчэнь. — "Поэтому на следующих соревнованиях я хочу поразить мир одним блестящим подвигом и заставить каждого из них замолчать и отвести свои нелюбезные взгляды. Я хочу, чтобы их намерение издеваться над нами навсегда исчезло".

Изначально его не интересовал павильон боевых искусств. Но теперь он почувствовал, что ему нужно продемонстрировать немного своих способностей.

Это было не для него, а для того, чтобы Ся Юань почувствовал гордость и удовлетворение.

Он хотел, чтобы все знали, что у Ся Юаня есть хороший сын!

"Цинчэнь..." — Ся Юань был тронут. Он смотрел на Ся Цинчэня, который, казалось, полностью возродился, и не знал, говорить ему или нет.

Ся Цинчэнь понял намерение своего отца. Он спокойно улыбнулся. "Что касается того, как моя сила достигла четвёртого уровня сияния и откуда взялась Вода божественного спокойного сердца, прости своего сына за то, что он временно держит это в секрете. После соревнований в павильоне боевых искусств я обязательно расскажу тебе всю правду. В то же время я также подарю отцу подарок!"

Ся Юань посмотрел на Ся Цинчэня. Он не стал заставлять его раскрывать эту тайну, поэтому медленно кивнул. "Я уже предвкушаю".

Отец и сын шли рядом, и когда они уже собрались уходить, сзади послышался крик. "Святой, возьми меня с собой!"

Опустив голову, Ся Цинчэнь увидел, как белый щенок неуклюже бежит за ними, пытаясь догнать их своими короткими лапками.

В его рту была шкатулка. Это не что иное, как шахматный набор, который Ся Юань подарил Ся Цанлю.

"Зачем ты вернул его?" — спросил Ся Цинчэнь.

Белый щенок ответил: "У этого старика не только слепой глаз, но и сердце. Недостоин он дара, что подготовил ему отец святого. Поэтому я его утащил".

Ся Цинчэнь присел и погладил его по голове. После этого он сказал: "Красть непозволительно, но то, что ты сделал, — правильно".

Ся Цанлю вправду не заслуживал принять сыновью почтительность своего отца.

"Я сперва и думать не хотел о том, чтобы завести ещё одну собаку. Но так как ты вернул шахматы, можешь остаться со мной с этого дня. Каких успехов ты достигнешь, зависит только от твоей судьбы".

Белый щенок был переполнен благодарностью и прослезился. "Благодарю вас, святой, за вашу великую доброту".

"Меня зовут Ся Цинчэнь. Ты можешь обращаться ко мне по имени или использовать другие

обращения, которые не связаны с "святым", — сказал Ся Цинчэнь.

Слово "святой" было излишне вычурным.

Хотя... он полностью соответствовал этому званию.

"Тогда мне называть тебя... хозяином Чэнем?" — явные чёрно-белые глазки щенка вращались кругами.

Ся Цинчэнь кивнул, выразив своё одобрение. Он посмотрел на белого щенка. "Я дам тебе имя. Тебя будут звать... Холодная Обида".

Холодная Обида... тогда, тысячу лет назад, один удар меча, что пронял его до глубины души, превратился в обиду, что пережила испытание временем!

Он выбрал это имя, чтобы помнить о том событии в каждый миг.

<http://tl.rulate.ru/book/90222/3922832>